

РОЛЬ КНР В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ШОС

Мария Данилович

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) — международная региональная организация, заявившая о себе на международной арене летом 2001 г. ШОС — следствие и результат развернувшегося в Центральной Азии с середины 1990-х гг. при участии Китайской Народной Республики и Российской Федерации «шанхайского процесса» как очередного примера усиления регионального межгосударственного сотрудничества. Особый интерес к организации вызывает тот факт, что инициатором ее создания является КНР — государство, привлекающее внимание всего мира вследствие определенных успехов в области социально-экономического развития. Для Китая ШОС — это первый опыт учреждения международной организации. Сегодня ШОС воспринимается как структура, в рамках которой происходят координация действий и столкновение интересов ее государств-членов — в первую очередь, КНР и Российской Федерации — вокруг стратегически значимого региона Центральной Азии.

Большинство работ в научной литературе посвящено деятельности ШОС в целом. Однако тема места и роли КНР в «шанхайском процессе» также интересна для исследования: представляется, что Китай, значительно повлиявший на формирование ШОС, в дальнейшем будет продолжать укреплять свои позиции в организации и регионе. Для Республики Беларусь, официально получившей статус партнера ШОС по диалогу в 2009 г., данная тема является весьма актуальной.

В белорусской научной литературе проблеме внешнеполитических стратегий КНР в Центральной Азии уделено внимание В. Боровой [2], В. Воронович [4], Р. Турарбекова [13]. В России взаимодействие КНР с Российской Федерацией и государствами Центральной Азии изучали А. Воскресенский, С. Лузянин [5], Д. Тренин [12]. Среди китайских авторов пристальное внимание организации уделяют Цзян И [15], Чжао Хуашэн [16], Пань Гуан [25]. В странах Центральной Азии проблематику ШОС исследовали М. Ашимбаев [1], М. Лаумулин [8] (Казахстан), А. Салиев, Э. Усубалиев (Кыргызстан) [11]. В европейской школе теме ШОС и КНР посвятили свои работы Ф. Хансен (Дания) [22], Н. Свонстром (Швеция) [26].

Среди авторов из США, исследующих проблемы развития ШОС, выделяются А. Кули [19], А. Шнайдер [27]; внешнеполитические стратегии КНР в регионе проанализировал Э. Медейрос [24], проблемы безопасности и межгосударственного сотрудничества в Центральной Азии в своих работах рассмотрел Г. Глисон [20; 21].

Цель статьи — определить роль КНР в развитии политического взаимодействия государств — членов ШОС. Для этого необходимо проанализировать стратегии КНР в процессе развития данного типа сотрудничества в рамках ШОС и рассмотреть становление Организации в контексте изменений геополитической обстановки в Центральной Азии в начале XXI в. (2001—2010 гг.).

Начальный этап становления ШОС (июнь—сентябрь 2001 г.)

Переход от механизма ежегодных встреч «шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) к образованию организации был вызван тем, что решение пограничных вопросов не стало единственной задачей форума. Во второй половине 1990-х гг. КНР и Россия, приняв во внимание интерес США к центральноазиатскому региону в контексте стремления Штатов к установлению однополярного мира, а также осознав собственные выгоды в добыче и импорте (КНР), добыче и транспортировке (Россия) энергоресурсов Центральной Азии, в поддержании политической стабильности и сдерживании наркотрафика из Афганистана в целях обеспечения региональной и собственной безопасности, пошли на установление и развитие партнерских отношений друг с другом, одновременно усиливая взаимодействие со странами Центральной Азии [2, с. 98; 5, с. 399; 11, с. 455]. В свою очередь, центральноазиатские лидеры воспользовались возможностью продвижения регионального сотрудничества для реализации политики балансирования между интересами держав, традиционным влиянием России и возможным усилением экономического влияния КНР в регионе [20, р. 1078; 23, р. 6].

Поворот Ташкента в сторону «пятерки» к 2001 г. ознаменовал собой окончательный отход от первоначального формата сотрудничества,

Автор:

Данилович Мария Владимировна — магистрант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Русакович Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Семёнова Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии и гуманитарных дисциплин Института парламентаризма и предпринимательства

равно как и успех руководства КНР и Российской Федерации в попытках вновь привлечь на свою сторону занимающий стратегически важное положение в Центральной Азии Узбекистан. К началу нового века все шесть государств («пятерка» и Узбекистан) столкнулись с явной угрозой региональной безопасности, исходящей от исламских фундаменталистов. В КНР в конце 1990-х гг. произошла серия терактов, ознаменовавшая собой новую волну сепаратистских устремлений уйгуров, что заставило китайское руководство пойти на дальнейшее усиление сотрудничества с государствами Центральной Азии и традиционным лидером в области обеспечения безопасности в регионе — Россией.

Озвученная на саммите в Алма-Ате (февраль 1998 г.) необходимость борьбы с «тройным злом» — сепаратизмом, экстремизмом и международным терроризмом — стала новой предпосылкой для координации действий «пятерки» в условиях отхода от модели биполярного мира. В 2000 г. в Бишкеке был открыт Антитеррористический центр, который после подключения Узбекистана к совместному противостоянию «злу» был перенесен в Ташкент.

Как утверждает профессор Чжао Хуашэн, китайская сторона не отрицает, что заинтересованность Пекина в создании ШОС помимо вопросов обеспечения безопасности была «в определенной степени связана с возрождением интереса КНР к Центральной Азии» [16, с. 10]. Намерения США «заполнить» образовавшийся в регионе в 1990-е гг. «вакуум силы» обозначили для Китая появление сильных конкурентов в борьбе за местные энергоресурсы и рынки сбыта. Для решения данной проблемы в условиях реализации проектов экономического развития КНР и принципиальной невозможности прямой конфронтации с новыми конкурентами Пекин сделал ставку на многостороннюю дипломатию в регионе как «ключевую внешнеполитическую стратегию Китая» [3, с. 19], механизмом которой стала первая инициированная КНР структура многостороннего сотрудничества — ШОС.

В целом оформление ШОС за три месяца до событий 11 сентября свидетельствовало о стремлении как Китая, так и России сохранить свое влияние в Центральной Азии и не допустить расширения сфер влияния США и НАТО в регионе. При этом КНР, заинтересованная в мировой многополярности, активно занималась теоретическим и идеологическим оформлением «шанхайского процесса», с самого начала играя в нем конструктивную роль. Так, в декабре 2000 г. в КНР начал функционировать Центр исследований «Шанхайской пятерки» при Шанхайской академии общественных наук (с июня 2001 г. — Центр исследований ШОС), в котором активно изучаются проблемы и механизмы сотрудничества стран «пятерки».

Теракты в Нью-Йорке и начало антитеррористической операции США в Афганистане поставили ШОС перед необходимостью реагирования на изменение геополитической расстановки сил в регионе.

КНР в ШОС после 11 сентября 2001 г.

События 11 сентября 2001 г. стали поворотным моментом в раскладке геополитических сил и вызвали активизацию интереса США к Центральной Азии, став для ШОС своеобразной проверкой на жизнеспособность. Отсутствие четко оформленной юридической базы и специализированных структур, в которых могла бы в полной мере развернуться работа по реализации основных задач новой организации, требовало от ее членов быстрой и адекватной реакции на появление в регионе внешних сил, в определенном смысле «дублировавших» функции ШОС по борьбе с международным терроризмом. С другой стороны, государства, создавшие ШОС, в целях защиты собственных интересов пошли на сотрудничество с вышеупомянутыми «внешними силами», что не могло не сказаться отрицательно на скорости развития организации.

Столкнувшись с проблемой противостояния исламской оппозиции, лидеры ряда стран региона (в первую очередь, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана) практически сразу же согласились на размещение на своей территории американских военных формирований и сил Альянса в рамках *глобальной войны с терроризмом*. Американские военные развернули активную деятельность на территории бывшей советской базы в Карши-Ханабаде (юг Узбекистана) уже через 3 недели после сентябрьских атак [21, р. 50]. Помимо этого, вскоре были открыты базы США в Какайды (Узбекистан) и Манасе (Киргизия) [1]. В целом в регионе в рамках операции «Несокрушимая свобода» было открыто 17 военных баз США с персоналом в более 10 тыс. человек [2, с. 84].

Узбекистан стал ключевым партнером США в регионе. Россия также оказалась ненадежным союзником КНР, усилив взаимодействие с НАТО после событий 11 сентября (в октябре 2001 г. Россия и США подписали договоренность о стратегическом партнерстве) [12, с. 43]. Кроме того, улучшение отношений США с Индией и Пакистаном вынуждало руководство КНР принять меры против создания вокруг страны «кордона» [2, с. 71] из развернувшихся в западном направлении соседей и партнеров по ШОС. В целом Пекин реалистично подошел к появлению американских сил в регионе и возможности образования новой системы безопасности, выстроенной вокруг НАТО, добившись официального включения Движения Восточного Туркестана в список международных террористических организаций [28].

После римского саммита НАТО в мае и объявления руководства США о выходе из Договора о ПРО в июне 2002 г. российско-американский диалог пошел на спад. Институциональное оформление ОДКБ в 2002 г. свидетельствовало, по мнению казахстанского исследователя М. Лаумулина, об активизации Москвы по созданию вокруг себя нового полюса обеспечения безопас-

ности [8, с. 15]. Это стало для Пекина очередным импульсом к взаимодействию с Москвой в области развития и институционализации ШОС, поскольку на фоне участия в ОДКБ государств — членов ШОС роль последней в сфере содействия региональной безопасности значительно снижалась. В подписанной 7 июня 2002 г. на саммите в Санкт-Петербурге Хартии ШОС с учетом предложений КНР были сформулированы цели, задачи и принципы организации. Одновременно было подписано Соглашение о региональной антитеррористической структуре (РАТС) и принято решение о проведении первых в рамках ШОС антитеррористических учений [25, р. 54].

Однако дальнейшее формирование юридической базы и институциональное оформление ШОС происходили достаточно медленно и завершились лишь в 2004 г. Это было связано с разногласиями между КНР и Россией по ряду вопросов: после смены в ноябре 2002 г. руководящего состава на XVI Всекитайском съезде КПК Пекин взял курс на устойчивое развитие, «экономическую дипломатию» и восстановления статуса «великой державы» [24, р. 45]. В таком контексте Китай стал акцентировать внимание на экономической составляющей взаимодействия в рамках ШОС [18, р. 4], не разделяя заинтересованности Москвы в активном военно-политическом сотрудничестве, чтобы обезопасить себя от конфронтации с США. На саммите глав правительств ШОС в сентябре 2003 г. премьер Вэнь Цзябао впервые выступил с предложением о создании зоны свободной торговли на территории государств ШОС [17], которое легло в основу подписанной там же Долгосрочной программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества (до 2020 г.). Одновременно КНР предложила материальную помощь для ускорения открытия Секретариата ШОС в Пекине — постоянно действующего исполнительного и координационного органа организации.

Камнем преткновения в рассматриваемый период оставался также вопрос о расширении ШОС. В Хартии упоминалось о возможности принятия в качестве новых членов «*других государств региона, которые обязуются соблюдать цели и принципы Хартии...*» [14, ст. 13]. Интерес к участию в работе ШОС проявляли Монголия (с 2004 г. — наблюдатель при ШОС), Иран, Пакистан, Индия. В целом, понимая те проблемы и риски, которые привнес бы в ШОС каждый из новых претендентов на членство (кашмирский вопрос и гонка вооружений между Индией и Пакистаном, не подписавшими Договор о нераспространении 1968 г., объявление Ирана частью «оси зла» и его антизападная патетика), члены ШОС пришли к консенсусу, предоставив вышеуказанным странам статус наблюдателей в 2005 г.

Тем не менее, новым импульсом к взаимодействию в рамках ШОС стал рост влияния Запада, проявившийся в «цветных революциях» на постсоветском пространстве и содержавший

в себе непосредственную угрозу политическим режимам центральноазиатского региона. В максимальной степени подобная тенденция проявилась в 2005 г. После подавления узбекскими властями вспыхнувших 13 мая 2005 г. в Андижане при поддержке вооруженной исламской оппозиции массовых беспорядков и отказа от предложенного США и западноевропейскими неправительственными организациями независимого расследования 29 июля руководство Узбекистана объявило о закрытии американской базы в Карши-Ханабаде и о предоставлении военным силам США 180-дневного срока для их полного вывода со своей территории [21, р. 50], что было названо А. Кули, Г. Глисоном, А. Шнайдером «*основной победой ШОС в противостоянии военному присутствию США в регионе*» [19; 21, р. 50; 27, р. 93]. Действия Ташкента полностью оправдывались новым ключевым документом ШОС в области безопасности — Астанинской декларацией от 5 июля 2005 г. По сути данный документ свидетельствовал о стремлении КНР и Российской Федерации не допустить длительного присутствия антитеррористической коалиции и собственно НАТО в Центральной Азии и восстановить баланс сил, нарушенный после реакции на события 11 сентября. По мнению Р. Турарбековой, возможность осуществления исламской революции в Фергане затрагивала интересы всего региона (в том числе северо-западную часть КНР), что и обусловило «полную поддержку ШОС», полученную Ташкентом, а также западные оценки подписания Астанинской декларации как факта начала создания «НАТО для Востока» (или проекта «анти-НАТО») [13, с. 98].

ШОС и КНР после 2005 г.

Несмотря на рост внимания мировой общественности к ШОС после июльского саммита в Астане, определенные проблемы в функционировании ее институтов и некоторые разногласия между ее членами привели к тому, что к концу десятилетия ШОС перестали рассматривать в качестве нового антизападного блока. Уже в конце 2005 г., когда новый всплеск активности талибов в Афганистане обусловил необходимость увеличения численности военных контингентов НАТО и закрытие баз в Центральной Азии было отложено на неопределенный срок, «ШОС была вынуждена согласиться с усилением военного присутствия НАТО» в регионе [13, с. 98].

Военно-политическое взаимодействие в рамках ШОС после 2005 г. представлено попытками углубить сотрудничество в борьбе с «*тройным злом*» и незаконным оборотом наркотиков; развитием РАТС; проведением совместных военных учений; оформлением Контактной группы ШОС—Афганистан; решением вопроса о дальнейшем расширении путем утверждения статуса Партнера ШОС по диалогу. Однако сотрудничество тормозилось сохранением определенных разногласий между КНР и Российской Федера-

цией в сфере энергетики и инфраструктурных проектов. К этому времени Пекин окончательно сформулировал постулат об «экономическом строительстве и развитии как центре государственной политики» [3, с. 19], сосредоточившись на торгово-экономической составляющей взаимодействия в ШОС. При активном участии китайской стороны были организованы неправительственные структуры организации: Межбанковское объединение (2005 г.) и Деловой Совет ШОС (2006 г.). Для Москвы же традиционно важной оставалась область безопасности [4, с. 56]. Предложение России о проведении совместных миротворческих учений ШОС и ОДКБ в 2007 г. не было поддержано КНР [22, р. 8], выступившей категорически против попыток Москвы создать в регионе антинаатовский военно-политический альянс.

Кроме того, в практической деятельности организации в целом выявились некоторые противоречия и несогласованность действий ее членов. К примеру, перед проведением совместных учений «Мирная миссия—2007» в Челябинской области. Астана отказала китайским военным в разрешении перемещаться по территории Казахстана [22, р. 7]. В самой ШОС неполноценный информационный обмен, низкие темпы реализации совместных проектов, а также ограниченность контактов с другими международными организациями соотносятся, как отмечает в своем интервью Генеральный секретарь организации Б. Нурғалиев, с недостаточной численностью рабочего персонала, малым размером бюджета ШОС (в 2008 г. он составлял около 4 млн дол. США: по 2 млн на Секретариат и РАТС) и определенными проблемами в функционировании Совета национальных координаторов и Секретариата [10].

Разногласия между Россией и остальными членами ШОС (в первую очередь, КНР) проявились на августовском саммите в Душанбе в 2008 г., во время которого никто из партнеров не поддержал позицию Москвы по предоставлению независимости Абхазии и Южной Осетии [19], что было закреплено в Душанбинской декларации. Что касается взгляда из КНР на политическую стабильность в регионе, то, как отмечает Чжао Хуашэн, любые «потенциальные политические и социальные потрясения в ходе борьбы за власть во всех *центральноазиатских республиках*» есть «скрытый фактор неопределенности для ШОС» [16, с. 16]. Это объясняет заинтересованность ШОС (и, собственно, КНР) в сохранении на данном этапе сложившейся политической ситуации в государствах — членах организации. В частности, ШОС выразила обеспокоенность по поводу событий в Кыргызстане в апреле 2010 г. [7] и поспешила получить от Временного правительства подтверждение о его приверженности всем обязательствам Кыргызской Республики в ШОС.

Вопрос о расширении сотрудничества с другими государствами был решен путем принятия в 2008 г. статуса «партнера по диалогу». Еще в

декабре 2005 г. во время визита в Пекин на высшем уровне Беларусь заявила о желании присоединиться к ШОС в любом качестве, что было поддержано руководством КНР [9, с. 76]. Включение Беларуси (как члена ОДКБ, ЕврАзЭС и Единого экономического пространства с Россией и Казахстаном) в работу ШОС отвечало также интересам России. Летом 2009 г. на саммите в Екатеринбурге главы государств ШОС заявили о «присоединении Республики Беларусь и Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка к сотрудничеству в рамках ШОС в качестве партнеров по диалогу» [6], а в апреле 2010 г. в Минске был подписан Меморандум о предоставлении Республике Беларусь данного статуса.

Таким образом, на основании проведенного анализа роли КНР в развитии политического взаимодействия государств — членов ШОС можно сделать следующие выводы:

1) в формировании ШОС КНР изначально играла конструктивную и активную роль, являясь разработчиком концепции, инициатором теоретического и идеологического оформления процесса создания организации, неизменно выступая за ускорение структурного оформления ШОС, усиление многостороннего сотрудничества (в первую очередь, экономического) в ее рамках;

2) Китай, участвуя в развитии сотрудничества стран — членов ШОС в области безопасности в условиях появления фактора американского присутствия в Центральной Азии, намеренно отдавал пальму первенства России, стремясь сохранить дружественные отношения с НАТО и собственно США для реализации своих планов внутригосударственного экономического роста. В то же время нежелание КНР допустить усиление России в организации и регионе в целом путем координации действий ШОС и ОДКБ объясняется тем, что обеспечение региональной безопасности в ШОС китайское руководство рассматривает исключительно как условие гарантии стабильности в регионе, позволяющей Пекину на данном этапе сдерживать сепаратистские силы «Восточного Туркестана» и сосредоточить свои основные усилия на решении тайваньского вопроса и реализации своих интересов в Юго-Восточной Азии. Стремление Российской Федерации к созданию антизападного блока противоречило интересам КНР;

3) для КНР ШОС является первой и единственной на данный момент региональной структурой многостороннего взаимодействия, инициатором создания которой в рамках «шанхайского процесса» был сам Китай, что объясняло повышенное внимание руководства страны к структурному оформлению ШОС и развитию сотрудничества в ее рамках. Возникновение данной организации было вызвано стратегической необходимостью для КНР проводить многостороннюю дипломатию в условиях активизации своих новых конкурентов в борьбе за энергоресурсы и рынки сбыта в Центральной Азии;

4) развитие политического взаимодействия стран — членов ШОС можно условно разделить на три этапа. Представляется целесообразным выделение начального этапа становления ШОС (июнь 2001 — события 11 сентября 2001 г.), этапа определенной переориентации интересов ее членов в условиях изменения расстановки геополитических сил в регионе и дальнейшей координации их действий с целью попытки восстановить утраченный баланс сил (события 11 сентября — лето 2005 г.) и этапа приспособления к сохранению военного присутствия США в Центральной Азии и сосредото-

чения ШОС на антитеррористической деятельности и сохранении политической стабильности в странах региона (осень 2005 г. — 2010 г.);

5) для Республики Беларусь, получившей в ШОС статус партнера по диалогу в 2009 г., чрезвычайно важным представляется наблюдение за дальнейшими позициями КНР в ШОС и приоритетными направлениями межгосударственного взаимодействия в рамках данной организации для координации своих действий при участии в проектах двух- и многостороннего сотрудничества в ШОС.

Литература

1. Ашимбаев, М. С. Геополитические перспективы Китая в Центральной Азии / М. С. Ашимбаев [Электронный ресурс] // Казахстанский институт стратегических исследований. Режим доступа: <<http://www.kisi.kz/site.html?id=611>>. Дата доступа: 18.04.2010.
2. Боровой, В. Р. Политика КНР в Центральной Азии (90-е гг. XX в. — начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук: 11.03.05 / В. Р. Боровой. Минск, 2005.
3. Ван Цзисы. Гуаньюю чжунго гоцзи чжанлю цзи дянь каньфа = Мнения о построении китайской внешнеполитической стратегии / Ван Цзисы // Гоцзи чжэнчжи янцзю = Исследования международной политики. 2007. № 4. С. 17—23 (на кит. яз.).
4. Воронович, В. В. Эволюция Шанхайской организации сотрудничества в контексте формирования азиатской системы безопасности / В. В. Воронович // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2007. № 2. С. 51—59.
5. Воскресенский, А. Д. Китайские и российские факторы в Центральной Азии / А. Воскресенский, С. Лузянин // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: учеб. пособие / под ред. А. Д. Воскресенского; отв. сост. А. Д. Воскресенский, К. П. Боришполец. М.: МГУ; Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 387—401.
6. Екатеринбургская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, 16.06.2009 г. [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. Режим доступа: <<http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=230>>. Дата доступа: 12.12.2009.
7. Заявление Генерального секретаря ШОС в связи с событиями в Кыргызской Республике, 08.04.2010 г. [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. Режим доступа: <<http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=368>>. Дата доступа: 12.05.2010.
8. Лаумулин, М. ШОС — грандиозный политический блеф? / М. Лаумулин [Электронный ресурс] // Institut français de relations internationales. Режим доступа: <<http://www.ifri.org/downloads/laumullinrusse.pdf>>. Дата доступа: 25.01.2010.
9. Мацель, В. М. Состояние и перспективы белорусско-китайских отношений / В. М. Мацель // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. 1, ч. 2 / БГУ; под ред. А. Н. Гордея, У Хунбиня. Минск: БГУ, 2006. С. 75—83.
10. Организационное становление ШОС произошло: интервью Генерального секретаря ШОС Б. Нургалиева корреспонденту ИТАР-ТАСС, 4 апреля 2007 г. [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. Режим доступа: <<http://www.ca-oasis.info/news/?c=6&id=12338>>. Дата доступа: 14.02.2010.
11. Салиев, А. А. Формирование системы региональной безопасности в Центральной Азии / А. А. Салиев, Э. Е. Усубалиев // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: учеб. пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГУ; Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 455—458.
12. Тренин, Д. Россия между Китаем и Америкой: трехчленная конструкция Пекин—Москва—Вашингтон вновь приобретает реальные черты / Д. Тренин // Pro et Contra. 2005. № 11-12. С. 43—53.
13. Турарбекова, Р. ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии на рубеже столетий / Р. Турарбекова // Китай в современном мире: сб. науч. тр. Вып. 8. Минск: Издат. центр БГУ, 2010. С. 95—100.
14. Хартия ШОС [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. Режим доступа: <<http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=86>>. Дата доступа: 12.12.2009.
15. Цзян И. Чжунгодэ добянь вайцзю юй шанхай хэцзо цзучжи = Китайская многосторонняя дипломатия и ШОС / Цзян И // Элосы Чжунья Дуоу яньцзю = Исследования России, Средней Азии и Восточной Европы. 2003. № 5. С. 46—51 (на кит. яз.).
16. Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация Сотрудничества: пер. с кит. / Чжао Хуашэн. М., 2005.
17. Шанхай хэцзю цзучжи чэньюаньго цзунли хуэйу цзай Бэйцзин цзюсин Вэнь Цзябао цзян хуа = Выступление Вэнь Цзябао на Совете глав правительств стран — членов ШОС в Пекине 23 сентября 2003 г. (на кит. яз.) [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа. Режим доступа: <http://news.xinhuanet.com/newscenter/2003-09/23/content_1095574.htm>. Дата доступа: 19.04.2010.
18. Andornino, G. People's Republic of China at 60 / G. Andornino [Electronic resource] // Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. Mode of access: <http://www.ispionline.it/it/documents/PB_160_2009.pdf>. Date of access: 06.04.2010.
19. Cooley, A. Cooperation Gets Shanghaied / A. Cooley [Electronic resource] // Foreign Affairs. Mode of access: <<http://www.foreignaffairs.com/articles/65724/alexander-cooley/cooperation-gets-shanghaied>>. Date of access: 16.02.2010.
20. Gleason, G. Inter-State Cooperation in Central Asia: from the CIS to the Shanghai Forum / G. Gleason // Europe-Asia Studies. 2001. V. 53. N 7. P. 1077—1095.
21. Gleason, G. The Uzbek Expulsion of U. S. Forces and Realignment in Central Asia / G. Gleason // Problems of Post-Communism. 2006. V. 53. N 2. P. 49—60.
22. Hansen, F. The Shanghai Cooperation Organization: probing the myth / F. Hansen [Electronic resource] // Royal Danish Defence College. Mode of access: <<http://www.forsvaret.dk/FAK/Publikationer/Briefs/Documents/The%20Shanghai%20Cooperation%20Organisation%20-%20Probing%20the%20Myths.pdf>>. Date of access: 28.01.2010.
23. Maksutov, R. The Shanghai Cooperation Organization: a Central Asian Perspective / R. Maksutov [Electronic resource] // SIPRI project paper. 2006. Mode of access: <http://www.sipri.org/research/security/euroatlantic/sipri_prod_material/project_papers/ruslan_SCO>. Date of access: 21.03.2010.

24. Medeiros, E. China's International Behavior / E. Medeiros [Electronic resource] // Rand Corporation. Mode of access: <http://www.rand.org/pubs/monographs/2009/RAND_MG850.pdf>. Date of access: 14.03.2010.
25. Pan Guang. The Shanghai Cooperation Organization in the context of international antiterrorist campaign / Pan Guang // Central Asia and the Caucasus. 2003. N 3 (21). P. 49–56.
26. Swanstrom, N. China and Central Asia: a new great game or traditional vassal relations? / N. Swanstrom // Journal of contemporary China. 2005. N 14 (45). P. 569–584.
27. Sznajder, A. China's Shanghai CO Strategy / A. Sznajder // Journal of IPC. 2006. N 5. P. 93–102.
28. Terrorist Exclusion List, 29 December 2004 [Electronic resource] // U. S. Department of State. Mode of access: <<http://www.state.gov/s/ct/rls/other/des/123086.htm>>. Date of access: 29.05.2010.

«Роль КНР в развитии политического взаимодействия государств — членов ШОС» (Мария Данилович)

Шанхайская организация сотрудничества — региональная организация, функционирующая на международной политической арене с 2001 г. Один из фактов, вызывающих интерес к ШОС, тот, что она является международной организацией, создание которой было впервые в истории международных отношений инициировано КНР. В рамках ШОС происходит координация действий и столкновение интересов КНР и Российской Федерации вокруг стратегически значимого региона Центральной Азии.

Данная статья посвящена роли КНР в развитии политического взаимодействия государств — членов ШОС. Автор приходит к выводу, что Китай как разработчик теоретического и идеологического оформления ШОС изначально играл в организации конструктивную роль, неизменно выступая за усиление многостороннего экономического сотрудничества в ее рамках. Обеспечение региональной безопасности в ШОС Китай рассматривает исключительно как условие гарантии стабильности в Центральной Азии, необходимой КНР для сосредоточения усилий на решении тайваньского вопроса и реализации интересов в Юго-Восточной Азии.

«The Role of the People's Republic of China in the Development of Political Cooperation within the SCO» (Maryia Danilovich)

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is a regional organization which has been functioning on the international political arena since 2001. One of the facts arousing interest towards the SCO is that this international organization was created on China's initiative which happened for the first time in the history of international relations. Within the SCO China and Russia are coordinating with each other and coming into collision caused by their strategic interests in Central Asia.

This article covers the role of China in the development of political cooperation within the SCO. The author comes to the conclusion that PRC, as the main implementator of the theoretical and ideological shaping of the SCO, has from the very beginning played a constructive role in the Organization, invariably supporting the strengthening of multilateral economic cooperation in the SCO. China regards the safeguarding of security within the SCO exclusively as a condition of regional stability in Central Asia, which PRC needs so that it may concentrate its efforts on the problem of Taiwan as well as on its interests in Southeast Asia.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2010 г.